

УДК 364.044.68(73):(470.43)

**«УВИДЕННОЕ МНОЮ В САМАРЕ Я НЕ ЗАБУДУ НИКОГДА»:
ГОЛОД НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ И ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ
В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ**

© 2012 Ю.Ю. Аншакова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 06.06.2012

В публикации проанализированы причины и масштаб голода, постигшего Самарскую губернию в начале 1920-х годов, а также охарактеризованы основные направления и формы помощи, которую губернии оказывали государство и иностранные благотворительные организации.

Ключевые слова: Самарская губерния, голод начала 1920-х годов, засуха, продразверстка, Американская администрация помощи, АРА, Фритъоф Нансен, миссия Нансена, Шведский Красный Крест, «Общество друзей», квакеры, международная гуманитарная помощь.

Голод начала 1920-х гг. занимает особое место как в истории нашей страны, так и в истории Самарского края. По ряду объективных и субъективных причин за ним закрепилось название «голод в Поволжье» и хронологические рамки 1921-1922 гг., что справедливо оспорено современными историками. В действительности это был катастрофический голод, который охватил территорию примерно 30 губерний, республик и областей; дата 1921-1922 гг. отражает наиболее острую фазу голода, в то время как региональные исследования показывают, что голод начался не летом 1921 г. – летом он был лишь официально признан, – а еще зимой 1920-1921 гг. и закончился не ранее урожая 1923 г., а в отдельных местностях длился до 1925 г.¹. На охваченной голодом территории проживало более 42 млн. человек, жертвами голода стали не менее 5 миллионов². Среди наиболее пострадавших от голода была и Самарская губерния.

Причиной голода стал комплекс природно-географических, политических, социальных и экономических факторов. Основной упор в советской историографии делался на «небывалую засуху 1921 г.», что позволяло обойти вниманием разрушительное воздействие социально-экономической политики большевиков по отношению к деревне и продразверстки, в частности, на аграрную сферу. С другой стороны, в современных исследованиях встречаются утверждения, что весна 1921 г. отличалась лишь более ранним приходом тепла и несколько меньшим, чем обычно, количеством осадков, но с июня дожди стали выпадать, и делается вывод о том, что масштабы засухи 1921 г. чрезвычайно преувеличены³.

Данные по Самарской губернии подтверждают факт засухи, что иллюстрирует табл.1, в

Аншакова Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. E-mail: pfiri@ssc.smr.ru

которой приведены погодные наблюдения Безенчукской опытной станции⁴.

За все годы наблюдения температура воздуха в 1921 г. была наивысшей, максимум составил 38,5°, максимальная температура на поверхности почвы – 58,1°. В Бузулукском уезде, одном из наиболее пострадавших, из-за засухи погибло около 40% озимых и яровых посевов⁵.

Значительную роль, учитывая повторяющийся характер неурожайных и голодных лет в Поволжье, сыграло исчерпание возможностей существовавших техники и технологии земледелия. Климат региона вообще характеризуется неустойчивостью и значительными колебаниями, засушливые (и голодные) годы не были исключительным явлением. Приспособиться к подобным климатическим колебаниям можно было путем разработки новых земледельческих технологий, адаптированных к природным условиям Среднего Поволжья. Между тем внимание большинства крестьян и помещиков было направлено не на совершенствование технологий, а на хищническую эксплуатацию земли, истощение которой лишь усиливало воздействие климатических колебаний. По сути дела, наблюдалось сопряженное и усиливавшее друг друга воздействие двух негативных тенденций: истощение и эрозия почв, изменение ландшафта в результате хозяйственной деятельности человека, с одной стороны, и резкие климатические колебания – с другой⁶.

Вместе с тем ни засуха, ни отсталая система землепользования не объясняют катастрофических масштабов голода, его беспрецедентного характера и по охвату территории, и по количеству голодавших. Можно сказать, что власти, как местные, так и центральные, ухватились за факт реальной засухи в отдельных регионах, в частности в Самарской губернии, и всячески педалировали его с тем, чтобы не обсуждать основ-

Таблица 1. Погодные наблюдения Безенчукской опытной станции

	апрель	май	июнь	всего
температура воздуха (в градусах)				
средняя за 17 лет	5,10	13,8	19,5	
средняя за 1921 г.	9,1	19,6	24,9	
температура поверхности почвы (в градусах)				
средняя за 17 лет	6,9	17,9	25,5	
средняя за 1921 г.	13,0	25,8	32,3	
осадки (в миллиметрах)				
средние за 17 лет	21,6	38,8	46,9	107,3
средние за 1921 г.	1,7	0,3	5,1	7,1
средние по губернии				13,7
влажность воздуха				
средняя за 17 лет	68%	58%	61%	
средняя за 1921 г.	62%	32%	35%	
испарение воды (в миллиметрах)				
среднее за 17 лет	55	128,2	136,8	
среднее за 1921 г.	88,4	213,2	281,1	

ные причины голода и не признавать свою ответственность. К примеру, в тезисах агитбюро Самарского губернского комитета помощи голодающим, которые формулировали публичную позицию властей и являлись руководящими принципами для ведения работы на местах, отмечалось, что провал урожая 1921 г. «свидетельствует о безобразнейшей отсталости нашего сельского хозяйства и неумении нашем приспособляться к условиям климата», причем «эта ненормальность является наследием политики насаждения невежества проклятым царизмом и отжившего буржуазно-дворянского строя, когда намеренно держали народ в невежестве, а периодический голод служил замечательным орудием для «регулирования цен» и обеспечения от перепроизводства сельскохозяйственных продуктов»⁷. Собственное рвение в выполнении продразверстки 1919-1920 гг., политика, приведшая практически к натурализации крестьянского хозяйства губернии, конечно, в агитационных материалах не фигурировали.

Огромное влияние на экономическое положение Самарской губернии оказали социально-демографические и экономические последствия I Мировой и Гражданской войн. Среднее Поволжье – это регион, который в 1918-1920 гг. был основным продовольственным донором республики, к тому же его территория регулярно становилась либо ареной боевых действий, либо прифронтовой полосой, где располагались военные части, нуждавшиеся в провианте, фураже, лошадях и многом другом. Военные действия, сам процесс изъятия продовольствия, необходимость выполнять гужевую повинность вместо работы в поле, нехватка рабочих рук, что было связано с постоянными мобилизациями мужчин трудоспособного возраста во враждующие ар-

мии, сильно затрудняли ведение сельскохозяйственных работ. Обостряли ситуацию и другие факторы, например, возросшая в результате черного передела чересполосица, удаленность наделов, нехватка орудий труда, вызванная промышленным кризисом, и многое другое. Количество сеялок, к примеру, за 1913-20 гг. сократилось почти в 2 раза, а их использование способствовало увеличению урожая ржи на 19%, пшеницы – на 26%⁸. Хуже проводилась обработка почв; поля засеивались неочищенными и менее ценными семенами; пропашные, засухоустойчивые культуры занимали в общих площадях посева все меньшее место. В результате всего этого урожай непрерывно понижался. К примеру, в Пугачевском уезде валовой сбор всех видов хлеба в 1918 г. составлял почти 20 млн. пудов. В 1919 г. площадь посева составила 73% к предшествующему году, урожай – 62%. В 1920 г. сбор хлебов дал лишь 7,7% к 1918 г., тогда как площадь посева равнялась 56%. В 1921 г. засеяли 38% от посева 1918 г., валовой же сбор хлебов составил 390 тысяч пудов, т.е. всего 2% сбора 1918 г. – в пятьдесят раз меньше, при сокращении посевной площади примерно в два с половиной раза⁹.

В целом для сельского хозяйства губернии этого периода характерны резкое сокращение посевных площадей (1913 г. – 4,022 млн. десятин, 1921 г. – 1,370 млн. десятин, по данным губстатбюро), валового сбора зерновых (1913 г. – 146,4 млн. пудов, 1921 г. – около 4 млн. пудов). Катастрофическим был упадок животноводства. Прежде всего, резко сократилась численность рабочего скота в крестьянских хозяйствах. К 1922 г. процент убыли лошадей по сравнению с 1913 г. составил в губернии примерно 73%. Столь же печальная картина наблюдалась в отношении крупного и мелкого рогатого скота, свиней, пти-

цы и т.д.¹⁰.

Безусловно, главной причиной голода начала 1920-х гг. можно считать аграрную, в первую очередь продовольственную политику советской власти. Известно, что при определении норм продразверстки на 1919 и 1920 гг. брались в расчет средние цифры урожая, посевных площадей, численности населения, скота за предшествующий период. Их постоянное и значительное снижение, охарактеризованное выше, не учитывалось. Крестьяне под давлением хорошо вооруженных многочисленных продотрядов были вынуждены отдавать не только то, что должно было бы остаться в хозяйстве для питания семьи и в качестве фуража, но и семенной фонд. К тому же засушливым и фактически голодным в губернии был уже 1920 г.: урожай, по оценкам губпродкома, составил 31 млн. пудов, по оценкам губстатбюро, которые вызывают больше доверия, – около 20 млн., при этом губерния в этом же году выполнила продразверстку в 10 млн. пудов¹¹. При численности населения в 2,806 млн. человек губерния к зиме 1920-1921 гг. имела продовольственный дефицит, а в отдельных местностях начался голод. Так в январе 1921 г. в селах Мосты, Тяглое Озеро и Михайло-Овсянка Пугачевского уезда прошла череда женских бунтов, причиной которых было «неоставление семян и конфискация другого имущества за невыполнение разверстки»¹², и подобные случаи носили отнюдь не единичный характер. Жестокие методы выполнения продразверстки 1919 и 1920 гг., ее неадекватные размеры, полное отсутствие у крестьян каких-либо запасов привели к еще более резкому сокращению посевных площадей до уровня собственного текущего потребления. Совпав с засухой весны-лета 1921 г., это привело к голоду невиданного ранее масштаба. Усугубили картину отсутствие легального частного хлебного рынка, отсутствие у самого государства значимых продовольственных запасов, а также развал транспортной системы, что не позволяло оперативно подвозить продовольствие и семена в голодающие регионы: например, осенью 1921 г. поезда с продовольствием из Москвы в Самару шли от 3 недель до 2 месяцев – а ведь это были приоритетные, экстренные грузы.

Урожай зерновых 1921 г. в Самарской губернии составил примерно 3,150 млн. пудов, по уездам он варьировался от 0,7 до 3,4 пудов на человека, в среднем – 1 пуд 12 фунтов на человека. В каждом уезде имелись волости, в которых урожай составил всего 0,1-0,2 пуда на человека. В Мелекесском, Пугачевском и Балаковском уездах были местности, где урожай полностью отсутствовал – ни одного фунта¹³. При этом нормой потребления считалось 1,5 пуда на челове-

ка в месяц, или 18 пудов в год, «голодной» нормой – 9 пудов на человека в год. Кстати, для признания губернии или уезда голодающим официально, что давало право на получение помощи от государства, урожай не должен был превышать 6 пудов на человека. В связи с жаркой погодой урожай был ранним, к осени был практически съеден, и с сентября голод в губернии принял массовый характер. По официальным данным, уже в августе 1921 г. из 2 806 639 жителей губернии голодало 859 тысяч, и эта цифра неуклонно и стремительно росла: на 1 января 1922 г. голодало более 1,9 млн. человек¹⁴.

Примечательно, что местные власти официально обсуждали дефицит не только продовольствия, фуража и семян для озимого и ярового сева, но и сложности с заготовкой суррогатов: «Сбор суррогатов не производится, т.к. среди культур суррогатов отсутствует в Сам. губ. вовсе репей и др. основные суррогаты, а имеющиеся сусак и желуди тоже не собирались – на желуди был большой недород, а сусака не удалось собрать в больших количествах, благодаря транспортным, продовольственным и финансовым затруднениям. Население же тоже заготовило ничтожное количество суррогатов и питается весьма вредными видами их, доходя до питания глиной и пр.»¹⁵.

Среди суррогатов, употреблявшихся в пищу во время голода, на первом месте стояла лебеда. Из молодых побегов и листьев ее варили щи, высушенная вместе с плодами, она размалывалась и подмешивалась в муку. На втором месте в Самарской губернии стоял катун (солянка холмовая, или перекасти-поле) – сорная трава, которая тоже шла на изготовление муки; реже употреблялись желуди. Муку из лебеды, желудей и других суррогатов можно было купить на рынке, мука из лебеды, к примеру, осенью 1921 г. стоила до 250 тысяч рублей за пуд. Из других растительных суррогатов можно отметить конский щавель, липовый и смородиновый лист, сердцевину и корни подсолнуха, сердцевину камыша, солону, мякину, репей и прочие сорные растения¹⁶. С приходом зимы, когда стало невозможно держать скот на подножном корму, массовому забою подвергся домашний скот, что серьезно осложнило дальнейшие сельскохозяйственные работы.

В конце осени – начале зимы, когда традиционные суррогаты стали подходить к концу, в пищу стали употребляться мука из опилок, древесной коры, глина, ил, вываренная кожа, навоз, солома, сублики, кошки, собаки, падаль и т.п. Наконец, многочисленными зимой стали случаи трупоедства и даже людоедства (к концу февраля 1922 г. – только зарегистрированных 200 слу-

чаев). К примеру, в первых числах января 1922 г. из села Пестравки Пугачевского уезда сообщали: «Сегодня одна женщина в Пестравке отрубилась от человеческого трупа руки и ноги, каковые и съела, зная, что и другие голодные таскают трупы с кладбища для еды. Смертность взрослых увеличивается с каждым днем. Детей не хоронят, употребляя таковых в еду. Невозможно описать весь ужас голода, который живых сводит с ума». В селе Каменке того же уезда был зарегистрирован следующий случай: «Местная гражданка Ев.Е. Жиганова, 50 лет с родной дочерью Аграфеной 18 лет, живя на квартире у Тишкиной, вместе с последней, ощущая неимоверный голод, решили первоначально заняться трупоедством... Во-первых, они съели детей Жигановой, т.е. ее сына умершего 11 лет, умершую дочь Тишкиной 9 лет. В конце ноября они перешли жить к гр.Фофановой 40 лет, принимавшей тоже участие в съедении трупов. Однажды к ним зашла переночевать неизвестная старуха лет 70-ти, которую Жиганова, Фофанова и Тишкина зарезали... Впоследствии Жиганова зарезала Фофанову и Тишкину... Следствие факта людоедства установило. Найдены остатки человеческого мяса в сыром и вареном виде до 17 фунтов»¹⁷.

Голод неизбежно повлек за собой рост эпидемических заболеваний – холеры и тифа, вызвал высокий уровень заболеваемости цингой, оспой, малярией, что способствовало дальнейшему ухудшению ситуации и росту смертности. От тифа зимой 1922 г. скончались и несколько сотрудников иностранных организаций помощи, работавших в Самарской губернии, в частности медсестра квакерской миссии Вайолет Тиллард и медсестра Шведского Красного Креста Карин Линдског¹⁸.

Пик голода в губернии пришелся на декабрь 1921-июль 1922 г. Численность голодающих в марте 1922 г. достигала 91% от общей численности населения (2,430 млн. из 2,806 млн. человек), в отдельных местностях приближалась к 100%. Основную массу голодающих составили крестьяне. Табл. 2 дает представление об убыли хо-

зяйств и населения в уездах Самарской губернии по приблизительным подсчетам губстатбюро в 1922 г. по сравнению с 1921 г.¹⁹.

К середине лета 1922 г. убыль населения, по оценкам местных властей, составила 337,1 тыс. человек (цифра очень приблизительна, поскольку в сельской местности регистрация смертей велась не везде). Смертность населения губернии в 1921-1922 гг. возросла в среднем до 13,9 на 100 человек в год (1919-1920 гг. – 2,8)²⁰. Сравнение итогов переписей 1920 и 1926 гг., к примеру, показывает сокращение общей численности населения губернии более чем на 15%, в Бузулукском и Пугачевском уездах – на 28% и 32% соответственно²¹. Еще раз подчеркнем, что традиционные хронологические рамки голода отражают лишь его наиболее острую фазу, случаи голода в отдельных населенных пунктах и волостях губернии фиксировались с осени 1920 до лета 1925 г., физиологическая норма питания (2 925 ккал в день) была достигнута к концу 1924 г.²².

Заметим, что самарские губернские власти зимой 1920-1921 гг. понимали, что надвигается массовый голод, что проблему дефицита продовольствия и семенного фонда необходимо безотлагательно решать, однако не имели для этого ресурсов, а также не находили понимания и поддержки в Москве, что и обусловило их длительное бездействие. Так, в январе 1921 г. Самарский губисполком вынес постановление, согласно которому губпродкому предлагалось закончить продовольственные заготовки к 1 февраля, причем речь шла не о выполнении нормы, а о прекращении работ. Через 2 недели постановление было отменено Президиумом ВЦИК с рекомендацией Самгубисполкому не принимать постановлений, ведущих к невыполнению разверстки, данной Наркомпродом²³. Можно сказать, что центральные власти весной 1921 г. по традиции продолжали настаивать на полном выполнении плана по продналогу, который в условиях недорода и голода по сути ничем не отличался от продразверстки, рассчитывая, что грядущий урожай поможет в какой-то мере решить проблемы в регионах – и это не-

Таблица 2. Убыль хозяйств и населения в уездах Самарской губернии по приблизительным подсчетам губстатбюро (1922/1921 гг.)

Уезд	Хозяйства – убыль в %	Население в 1921 г.	Население в 1922 г.	Убыль в %
Самарский	10,7	351 490	326 162	7,2
Мелекесский	11,0	226 204	199 972	11,7
Ставропольский	14,3	105 814	86 778	17,5
Бугурусланский	5,0	588 135	547 507	6,9
Бузулукский	9,1	594 595	480 851	19,1
Пугачевский	27,1	433 018	334 846	22,6
Балаковский	9,6	78 127	64 182	17,8

смотря на доклады местных властей и ЧК о всеместных волнениях, сельских бунтах на почве голода, погромах ссыпных пунктов и т.д. Собственно, именно засуха и провал планов на урожай вынудили правительство приступить к действиям.

18 июля 1921 г. специальным декретом при ВЦИК была создана Всероссийская центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) как организация с чрезвычайными полномочиями в области снабжения и распределения продовольствия. В Самарской губернии первые органы по борьбе с голодом возникли еще в июне 1921 г., в июле трансформировавшиеся в губкомпомгол. Летом-осенью 1921 г. была разработана система чрезвычайных мер, направленных на ликвидацию голода: организация питания голодающего населения (прежде всего детского); медико-санитарная помощь; сбор продналога в губерниях центральной России и Сибири, не пострадавших от засухи; использование местных денежных средств для борьбы с голодом; изъятие церковных ценностей; организация общественных работ, предоставляющих заработок для голодающего населения; эвакуация голодающих; оказание помощи семенными ссудами в ходе посевных кампаний и т.д. Выработанные ЦК Помгол формы работы были направлены на решение социальных и экономических проблем, связанных с голодом, в комплексе. Все они были необходимы, обоснованы и детально проработаны, и все они были очевидно трудновыполнимы или не реализуемы в принципе в связи с нехваткой ресурсов самого разного рода – финансовых, продовольственных, человеческих (кадровых), инфраструктурных и т.д.

Все утвержденные ЦК Помгол меры по борьбе с голодом с разной долей успеха реализовывались в Самарской губернии. На наш взгляд, более или менее результативной можно признать работу по проведению озимой кампании 1921 г. и яровой посевной кампании 1922 г., и то скорее в смысле «лучше что-нибудь, чем совсем ничего». Кстати, по непонятной причине эти посевные кампании зачастую игнорируются исследователями как форма борьбы с голодом, хотя ВЦИК и ЦК Помгол определили их проведение в качестве приоритетной задачи. В Самарскую губернию к озимому севу 1921 г. и весеннему севу 1922 г. поступило около 3,9 млн. пудов семян. Проведение посевных работ сопровождалось многочисленными трудностями и срывами, в частности, в связи с организационными и транспортными проблемами не все семенные грузы пришли вовремя²⁴, разворовывались в процессе транспортировки, частично использовались голодающим населением не по назначению – в качестве

продовольствия и фуража, что, правда, можно считать своеобразной незапланированной помощью голодающим. Основной проблемой, конечно, было крайнее физическое истощение крестьян и острый дефицит тяглого скота. Результатом стал существенный недосев: к примеру, осенью 1921 г. в губернии было засеяно всего 368 777 десятин, что означало дальнейшее сокращение посевной площади. Урожай зерновых 1922 г. также оказался весьма скромным – около 23 млн. пудов²⁵, что не покрывало собственных потребностей губернии, однако дало возможность самарскому крестьянству немного перевести дух.

Остальные программы помощи голодающему населению в Самарской губернии оказались еще менее успешными или откровенно провальными, что признавали и сами власти. В качестве примера приведем программу эвакуации голодающих в благополучные регионы. Так, нуждающимися в продовольственной помощи в губернии на 1 декабря было признано чуть более 1 млн детей, при этом эвакуации по плану подлежало всего 35 тысяч, фактически же вывезли 18 521 ребенка²⁶. Дети подолгу томились в необорудованных поездах (группа беженцев из Пугачевского уезда в августе 1921 г. добиралась до Петрограда ровно 3 недели), на местах прибытия отмечалось, что дети больны, голодны и раздеты. Более того, частыми бывали случаи, когда уже приехавших детей отказывались принимать либо принимали, но оставляли практически без помощи, из-за чего дети были вынуждены нищенствовать²⁷. Аналогичной была ситуация и со взрослыми беженцами.

В Самаре, а также уездах губернии проводились общественные работы – гидротехнические (по постройке и починке плотин, мостов и т.п.), лесозаготовительные, дорожные, снегоочистительные, по уборке улиц от мусора и нечистот, уборке с улиц трупов и др. Оплачивались они, как правило, продпайками. Общественные работы могли бы облегчить положение голодающих крестьян, безработных, беженцев, способствовать восстановлению губернии, однако выделенные средства были на порядок ниже запланированных, отсутствие денег и продовольствия не позволило реализовать и эту программу в должном объеме²⁸.

Постоянными были жалобы уездных властей в Самару, а Самарского губкомпомгола – в Москву на отсутствие средств и перебои с поставкой продуктов в столовые общепитания. Так, в донесении Пугачевского уезда в Самарский губисполком отмечалось, что продовольственные грузы в пути по уезду «приходится охранять от расхищения голодным населением усиленным конвоем... Население это отдавало последние

крохи, когда голод держал в своих костлявых лапах центральные губернии, вполне сознавая, что само будет голодать. Теперь это население вправе ожидать, даже требовать, помощи хотя бы в той голодной норме, какая была установлена в Центре... Докладывая вышеизложенное укомпомголод... просит не ограничиваться только одними уведомлениями, что там-то и там-то переадресовано столько-то вагонов или там-то, там-то назначено и отправлено столько-то вагонов. Нужно, чтобы такие переадресовки достигали цели, и отправления действительно делались. Нужна немедленная реальная помощь в виде небольшого куска хлеба»²⁹.

Фактически ни одна из определенных государством форм помощи голодающим не была реализована в Самарской губернии в полном объеме. Многочисленные постановления, приказы, инструкции, резолюции наталкивались на единственное, но непреодолимое препятствие – полный развал экономики. В этих условиях сложилась следующая стратегия: было определено основное направление борьбы с голодом – проведение посевных кампаний, и государственная машина сосредоточила все силы на нем, по мере возможности выделяя ресурсы на другие программы. Вместе с тем, особо не надеясь на удачу, советское правительство предприняло шаг, который привел к неожиданно значительным результатам, – обратилось за помощью к иностранным благотворительным организациям и обществу. Предполагалось, что они – возможно – окажут продовольственную помощь нескольким десяткам или сотням тысяч человек. Эту помощь получили миллионы.

Исходным моментом в истории возникновения зарубежных организаций помощи голодающим России можно считать август 1921 г., хотя стоит отметить одно исключение – это «Общество друзей» (квакеров), которое с перерывами осуществляло благотворительную деятельность в России, в частности в Бузулукском уезде Самарской губернии, с 1916 г.

В начале июля 1921 г. Максим Горький по просьбе советского правительства выступил с обращением «Ко всем честным людям», в котором призывал оказать помощь в борьбе с голодом. Обращение было отправлено в Норвегию Фритьофу Нансену, на тот момент – верховному комиссару Лиги Наций по репатриации военнопленных. В ответной телеграмме Нансен писал Горькому, что соразмерную постигшей Россию беде помощь могут оказать только американцы, и посоветовал сосредоточить усилия в этом направлении. Кроме того, сам Нансен предпринял определенные действия, в результате которых завязался обмен телеграммами

между Горьким и Гербертом Гувером, председателем Американской администрации помощи (АРА). В результате этой переписки и переговоров уже 20 августа 1921 г. в Риге был подписан договор между советским правительством и АРА, по которому последняя обязалась кормить ежедневно в течение года 1 миллион детей. Впоследствии эта цифра была существенно увеличена: на пике своей активности (август 1922 г.) АРА ежедневно обеспечивала продовольствием почти 10,5 млн. человек – и детей, и взрослых, а также продлила работу до лета 1923 г. Помимо этого, реализовывалась масштабная программа медицинской помощи, поставлялась одежда и т.д.

На тот момент АРА являлась крупнейшей благотворительной организацией в мире с солидным финансированием и проверенными кадрами, она пользовалась поддержкой президента и конгресса. С 1919 г. АРА, созданная указом президента Вильсона, оказывала масштабную продовольственную помощь детям в 21 стране Европы и Ближнего Востока. Генеральным директором АРА был Герберт Гувер, который также занимал пост министра торговли США. Заметим, что еще весной 1919 г. в письме Вильсону Гувер охарактеризовал большевизм как естественную реакцию на тиранию и человеческие страдания; по его мнению, большевизм побеждал там, где был велик разрыв между классами и где низшие классы держали в бедности и невежестве³⁰. Соответственно, продовольственная помощь как разоренной I Мировой войной Европе, так впоследствии и Советской России воспринималась Гувером как своеобразный гуманитарный способ борьбы с большевизмом³¹.

Между тем Фритьоф Нансен продолжал работу по организации помощи России. 15 августа 1921 г. в Женеве начала работу конференция, на которой присутствовали представители организаций Красного Креста европейских стран, Ватикана, различных общественных, в том числе благотворительных и пацифистских, организаций. В результате было принято решение отправить в Москву делегацию во главе с Нансеном для заключения договора с советским правительством, каковой и был подписан 27 августа. Вокруг Нансена объединилось около 20 организаций, некоторые из которых имели собственный аппарат по оказанию помощи, как, например, Шведский Красный Крест, а некоторые перечисляли средства в фонд Нансеновской организации³².

В течение весны-осени 1921 г. произошло объединение английского и американского «Общества друзей» (квакеров) и выбор Бузулукского уезда Самарской губернии в качестве места постоянной работы.

Впоследствии был заключен ряд других договоров, в частности, с Французским Красным Крестом, Ватиканом, американскими меннонитами, Международной федерацией профсоюзов при II Интернационале, Международным рабочим комитетом помощи при III Интернационале (Межрабпом). Основой для договоров стал договор с АРА. Базовые условия были следующие: организации помощи перевозят благотворительные грузы за свой счет в российские порты или на приграничные железнодорожные станции, далее выгрузка и дальнейшая транспортировка осуществлялись за счет советского правительства, которое также бесплатно предоставляло нужные организациям помещения, проезд, пользование почтой, телеграфом и телефоном. Иностранные организации имели право выбора района, системы распределения и контроля, а также приглашения технического персонала из русских граждан.

Что касается сроков работы благотворительных организаций в России, то они могли быть разными. Можно сказать, что большинство организаций свернуло свою деятельность весной-летом 1923 г. Стоит отметить, что это было связано не только с преодолением голода и его последствий, но и с возобновлением Россией экспорта хлеба. В этой ситуации вести в своих странах агитационную кампанию по сбору средств, как-то воздействовать на эмоции жертвователей стало затруднительно. Вместе с тем некоторые другие организации, в частности квакеры и «Джойнт» (Еврейский американский объединенный комитет помощи), приняли точку зрения советского правительства на то, что в 1922-23 гг. и последующих годах России нужна помощь не столько продовольствием, сколько техникой. Эти организации работали в СССР еще несколько лет, оказывая посильную помощь в восстановлении промышленности и сельского хозяйства.

Ресурсы, которыми располагали работавшие в России организации, существенно различались. Так, АРА получила мощное финансирование от американского конгресса, в то время как почти все остальные организации функционировали в основном на пожертвования, при этом в Америке можно было собрать в виде пожертвований гораздо большую сумму, чем в странах Европы. Стоит отметить, что некоторые европейские правительства, в отличие от американской администрации, были принципиально против оказания помощи России, считая это поддержкой большевизма и практически признанием советского правительства; соответствующую позицию была вынуждена занять и Лига Наций.

Территория, на которой работали зарубежные организации, ее размеры варьировались в

зависимости от возможностей самой организации. Так, АРА работала практически во всех официально признанных голодающими районах России, а также на Украине и в Белоруссии. Эта территория простиралась от Перми и Вятки до Крыма и Донской области, от Украины до Челябинска и Актюбинска. Другие организации с тем, чтобы не расплывать свои не столь значительные ресурсы, избирали для своей работы отдельные уезды или города. К примеру, представители Шведского Красного Креста работали исключительно в Самарской губернии (Самарский и Пугачевский уезды), квакеры основную работу вели в Бузулукском уезде Самарской губернии, Международный союз помощи детям – в Саратовской губернии и Области немцев Поволжья. Вместе с тем летом-осенью 1921 г. в иностранной прессе, которая по понятным причинам не располагала объективной информацией об истинных масштабах голода, он преподносился как «голод в Поволжье», поэтому абсолютное большинство зарубежных организаций сосредоточили свою деятельность в этом регионе. Несколько иностранных миссий оказывали помощь и Самарской губернии. Их вклад в борьбу с голодом, основные направления работы будут охарактеризованы ниже.

Одной из первых организаций, развернувших свою работу в губернии, стала **Американская администрация помощи**. Первоначально планировалось ежедневно кормить в столовых по всей губернии 200 тысяч детей³³.

В самом начале сентября несколько американцев-членов миссии АРА, включая Уильяма Шафрота, отправились в поездку по Среднему Поволжью с тем, чтобы изучить ситуацию «изнутри». Увиденное превзошло самые худшие ожидания. Запасы хлеба в деревне давно истощились, крестьяне использовали в пищу траву, кору, желуди, лебеду и другие суррогаты. Буквально все вокзалы и пристани были переполнены оборванными, умирающими от голода беженцами. Детские дома и приемники были забиты голодными, грязными, одетыми в лохмотья детьми, которым практически не оказывалось никакой помощи. Уильям Шафрот писал впоследствии: «После двух лет гуманитарной работы в Центральной Европе я уже привык к виду голодных детей, но увиденное мною в сентябре в Самаре я не забуду никогда». Стало ясно, что большая часть населения Поволжья не сможет пережить зиму, что требуется продовольственная помощь в колоссальных размерах, значительно превышающих указанный в Рижском договоре миллион порций, и нужна она немедленно, и что необходимо в программу помощи включить взрослых. В Москву была отправлена

телеграмма соответствующего содержания. В ответ из столицы пришла телеграмма о назначении Уильяма Шафрота руководителем Самарского округа АРА и отправке в Самару 30 вагонов с продовольствием.

30 сентября в Самаре заработала первая столовая АРА на 200 детей. Работа в сельской местности организовывалась следующим образом: при участии инспектора АРА формировался сельский комитет из числа местных жителей, который отбирал детей на получение помощи, а также контролировал работу столовой, где дети ежедневно получали горячий обед по одному из стандартных меню. Кстати, первую сельскую столовую АРА организовала Анна Луиза Стронг, молодая американка, которая приехала в Россию с миссией квакеров и предложила свою помощь АРА. Как отмечает Шафрот, всех «блестящих молодых женщин – участниц благотворительной миссии квакеров» отличали храбрость, абсолютная самоотверженность, готовность переносить самые тяжелые физические нагрузки, страстное желание сделать как можно больше в борьбе с голодом³⁴.

К 10 декабря 1921 г. Самарский округ вышел на запланированную цифру – 200 000 порций в день. Кроме работы столовых АРА оказывала продовольственную помощь местным медицинским учреждениям, где кормили и детей, и взрослых, детским домам и яслям³⁵.

Стандартное меню американской столовой было следующим (вес указан в золотниках, 1 золотник равен 4,27 г):

понедельник, четверг: какао – 3,3, сахар – 8, 2, молоко – 15,4, хлеб – 30

вторник, пятница: рис – 16,4, молоко – 8,2, сахар – 3,7, хлеб – 30

среда, суббота: кукуруза – 19,9, жир – 4,2, мука – 6,5, хлеб – 30

воскресенье: молоко – 2,3, бобы – 16,4, жир – 4,2, мука – 6,5, хлеб – 30

Некоторые продукты (кукуруза, рис, фасоль) в меню были взаимозаменяемы. Из всего, что готовилось в столовых (каши, пудинги и т.д.), дети больше всего любили какао и булки из белого хлеба. Калорийность рациона менялась: так, на декабрь 1921 г. она составляла приблизительно 800 ккал в день³⁶, в самые напряженные моменты с поставками АРА снижала калорийность пайка. Так, весной 1923 г. в Пугачевском уезде калорийность пайка равнялась 450 ккал, в Балаковском – 564 ккал, в Мелекесском выдавался полный паек (данные по другим уездам отсутствуют)³⁷. Конечно, уменьшение калорийности пайка было вынужденной мерой, но оно позволяло не сокращать из-за проблем с транспортом и перебоев с поставками количество детей, получающих помощь.

Как уже отмечалось ранее, с наступлением зимы голод достиг своего пика. Рут Фрай, представительница британских квакеров, приезжавшая в январе 1922 г. в Бузулук к постоянно работавшим там квакерам, была совершенно потрясена увиденным. Первое, с чем она столкнулась – чувство беспомощности. У крыльца дома, где работали квакеры, постоянно толпились люди, они молили о помощи, стонали, но накормить их было нельзя – «или к нам придет весь город», так что пришедшие просто умирали. Тела на санях увозили на кладбище, где сваливали в кучу, и эта груда тел, «практически обнаженных», постоянно росла. Не все трупы увозились, многие оставались лежать на улице, где их обглаживали собаки³⁸. Заметим, что побывавшие в Бузулуке представители миссии Нансена сделали на кладбище фотографию, которая впоследствии была отпечатана в качестве агитационной открытки с призывом помочь голодающей России. Эта фотография воспроизводилась европейскими изданиями и фактически стала самым известным в Европе визуальным образом «русского голода».

Но самым страшным зрелищем для Рут Фрай, как и для Уильяма Шафрота, оказалось не кладбище, а детприемник и детские дома: «Вы входите через крошечную кухню. Внутри – двести большие комнаты, буквально забитые детьми, кое-где – в два яруса, которым из-за нехватки места даже негде лечь. Многие стонут и причитают – думаю, у них нет сил плакать – или тихо, безвольно стоят, прислонившись к стене и пытаясь получить чуть больше тепла от печки»³⁹.

На следующий день (17 января) в Бузулук приехали сэр Бенджамин Робертсон, а также представители миссии Нансена Джон Горвин и Гвидо Пардо. Вместе с Рут Фрай и представителями местной власти они посетили детдома и местную больницу, состояние которых повергло всех в ужас. В больнице не было ни медикаментов, ни врачей, лишь один фельдшер, смысл содержания в ней людей был непонятен. Затем вся группа отправилась в деревню Палимовку, в нескольких верстах от Бузулука. Председатель сельсовета, в семье которого уже умерло от голода 6 человек, показал, что местные жители используют в пищу – муку из травы, из древесной коры, бульон из конских копыт. Там же Робертсону и другим были переданы заверенные протоколы случаев трупоедства и людоедства. И для Рут Фрай, и для сэра Робертсона, который посетил Саратовскую и Самарскую губернии, Бузулук оказался самым худшим из того, что им довелось увидеть, о своих впечатлениях Робертсон немедленно телеграфировал в Женеву⁴⁰.

Буквально с самого начала работы на местах сотрудникам АРА стало очевидно, что програм-

му продовольственной помощи необходимо расширять, включив в нее взрослых. Г. Гуверу, полностью разделявшему это мнение, сравнительно легко удалось добиться решения конгресса США об ассигновании 20 млн. долларов на оказание продовольственной помощи России. 30 декабря 1921 г. в Лондоне нарком Л.Б. Красин подписал соглашение с АРА о питании взрослого населения.

Самарский округ стал готовиться к новому, более масштабному этапу работы. Для организации питания взрослых было решено использовать уже существовавшие «детские» комитеты АРА. Право на получение взрослого пайка предоставлялось следующим категориям: самые нуждающиеся; занятые на сельскохозяйственных работах; нуждающиеся беременные женщины; больные трудоспособного возраста; один человек от семьи, если в ней никто не попадал в перечисленные группы. Плановая разверстка на округ составляла 800 тысяч пайков. Суточный паек представлял собой 1 русский фунт кукурузной муки. Для экономии времени и сил продукты выдавались сухим пайком сразу за месяц, т.е. по 30 фунтов. Газета «Коммуна» опубликовала пространную статью А. Жемчужного, подробно разъясняющую, какие блюда и как можно приготовить из кукурузы⁴¹. Питание взрослых в губернии началось 13 марта 1922 г.⁴²

Сотрудники АРА и местные власти приложили все силы, чтобы доставить грузы на места до наступления весенней распутицы. К сожалению, не везде это удалось. Из-за нехватки кукурузы вначале было решено выдавать полпайка, т.е. 15 фунтов, но постепенно работа вошла в норму⁴³. Весь апрель и май склады АРА на местах заполнялись продовольствием с тем, чтобы обеспечить бесперебойное питание в течение лета.

Другие благотворительные организации (в частности, квакеры и Шведский Красный Крест) с самого начала оказывали помощь и детям, и взрослым, понимая, что иначе голод повторится в следующем году.

С осени 1921 г. по август 1922 г. АРА постепенно увеличивала количество питающихся: в начале октября помощь получали 16 500 человек, в начале января 1922 г. – 252 310, в конце апреля – 909 019, в конце июля – 1 247 756, в конце августа – 1 185 966 человек⁴⁴. Тогда же в июле-августе остальные зарубежные организации оказывали помощь приблизительно 390 тысячам человек, 410 тысяч получали питание в столовых губсоюза, таким образом, продовольственную помощь в Самарской губернии получали примерно 2,1 млн. взрослых и детей. На тот момент число жителей губернии составляло 2,4

млн. человек, все население губернии (100%) считалось голодающим.

В ответ на просьбы местных властей Самарская АРА постоянно выделяла дополнительные пайки на проведение общественных работ, персоналу различных медицинских учреждений и т.д. Например, благодаря пайкам АРА не был закрыт эвакуационный приемник на железнодорожном вокзале г.Самары⁴⁵.

Летом 1922 г. АРА решила продлить свою работу в России еще на год на новых условиях. Советское правительство объявило, что голод побежден, и попросило зарубежные организации сосредоточить свою деятельность в так называемых закрытых учреждениях (детдома, больницы и т.п.). Большинство открытых столовых при этом было закрыто, число получающих помощь от иностранных организаций резко сократилось. АРА продолжала оказывать помощь наиболее уязвимым группам – больным, детям в так называемых «закрытых учреждениях» (приюты и больницы), что не требовало содержания собственных питпунктов. Свои столовые АРА сохраняла лишь в районах, где в них ощущалась острая потребность. Норма Самарского округа первоначально составляла 100 тысяч пайков. Однако с приближением зимы ситуация стала ухудшаться. Население опять переходило на суррогаты, в города потянулись беженцы. Обследование губернии в октябре показало, что в тех уездах, где АРА прекратила работу, ее требовалось возобновить. Так, на 1 января 1923 г. в губернии было признано нуждающимися в помощи 3279110 детей⁴⁶. На протяжении осени 1922-весны 1923 гг. вновь открывались столовые, число людей, получавших пайки, постоянно увеличивалось: в феврале помощь получали уже 21528 человек, с апреля по июнь – около 250 тысяч⁴⁷. При этом само государство оказание помощи голодающим прекратило, все столовые с осени были закрыты, в селах и деревнях работали только питпункты иностранных миссий.

Результативность этого этапа работы АРА, как признавала сама организация, была снижена возобновлением экспорта зерна из России. Продолжение поставок продовольствия на этом фоне выглядело бессмысленным, поэтому было принято решение о завершении всех программ помощи к июлю. 27 июня 1923 г., одним из последних, Самарский округ АРА прекратил свое существование.

В 1921-1923 гг. АРА осуществляла еще одну программу продовольственной помощи – программу продуктовых посылок. Действовала она следующим образом: каждый желающий в Америке или Европе платил АРА 10 долларов, АРА обязывалась найти в России человека, которо-

му предназначалась помощь, и доставить ему посылку с продуктами общим весом в 117 фунтов (49 фунтов муки, 25 фунтов риса, 3 фунта чая, 10 фунтов жиров, 10 фунтов сахара, 20 банок сгущенного молока по 1 фунту). Для рекламы этой программы АРА распространила в России около 1,5 млн. открыток. Российские граждане могли вписать в них свои имена и адреса, а АРА отправляла их в Европу и Америку. Эта программа оказалась весьма эффективной: она помогала организовывать адресную помощь, а также восстанавливать разрушенные связи между близкими людьми. Чаще всего при помощи продпосылок эмигранты помогали оставшимся в России родственникам и друзьям. Для реализации программы на местах, в том числе и в Самаре, были созданы специальные отделы, которые проводили кропотливую работу по розыску адресата и установлению его личности. Так, с начала работы по 15 сентября 1922 г. Самарским отделом было получено 8695 посылок, выдано – 6425, оставалось на складе – 2270⁴⁸.

Помимо индивидуальных доставлялись посылки, предназначенные группам лиц. Понимая бедственное положение российской интеллигенции, АРА организовывала доставку продовольственных посылок, а также посылок с одеждой врачам, медсестрам, артистам, студентам, профессорам, учителям средних школ и т.д. Например, весной 1923 г. в Самарской губернии было распределено 234 продпосылки АРА, предназначенные для работников школ 1 и 2 ступени. Именные списки так характеризуют получателей помощи: Буркова Анна Матвеевна, учитель и делопроизводитель, мать 59 лет и сестра 14 лет, Чапаевская, 224; Смагин Константин Иванович, учитель физики, жена и 5 детей, Самарская, 183, кв. 9; Трунина Екатерина Алексеевна, учитель рукоделия, муж 39 лет, мать 60 лет, дети 7 человек, Советская, 9, кв.8; Мокрова А.С., учительница, муж безработный, сама больная, Николаевская, 144, кв.2, и так далее⁴⁹. Конечно, среди крестьян получателей продпосылок практически не было, но они позволили некоторым представителям еще одной весьма уязвимой группы – интеллигенции – справиться с трудностями голодного времени.

Помимо продовольственной АРА оказывала голодающим масштабную медицинскую помощь, в том числе и в Самарской губернии. В округ в значительных объемах поставлялись медикаменты, дезинфицирующие средства, медицинские инструменты и оборудование, перевязочный материал, одеяла, постельное белье, пижамы и ночные рубашки для пациентов, полотенца и т.д. Заметим, что в России все это практически отсутствовало. Помощь получали

больницы, амбулатории, детские дома, детсады, школы, интернаты, дома престарелых. Практически все медицинские учреждения губернии пользовались медикаментами и оборудованием, поставленными АРА, а также получали кукурузные пайки для персонала. Всем им летом 1923 г., покидая Россию, АРА оставила запас лекарств на несколько месяцев. Вероятно, главным достижением АРА в сфере медицины стала массовая прививочная кампания, проведенная во всех голодающих регионах. В Самарской губернии было сделано несколько сотен тысяч прививок от тифа, паратифа, холеры и оспы. Прививочные отряды получали от АРА не только прививочный материал, но и пайки⁵⁰.

Как уже отмечалось выше, активную помощь в борьбе с голодом Бузулукскому уезду Самарской губернии оказывала *миссия квакеров*. Она состояла из двух секций – английской и американской. Обе группы вели согласованную работу, поделив уезд между собой: центром американской секции было село Сорочинское, английской – г. Бузулук. Первый год (сентябрь 1921-сентябрь 1922 г.) американские квакеры действовали в составе АРА, что было связано с желанием Г. Гувера всю предоставляемую американским правительством, общественными организациями и отдельными гражданами помощь аккумулировать в руках АРА с целью максимально эффективной реализации этой помощи. Затем в связи с некоторыми организационными и идеологическими разногласиями американские квакеры вышли из «союза» с АРА и продолжили свою работу в уезде, уже официально объединившись с британскими квакерами. Последняя представительница миссии квакеров американка Нэнси Бабб покинула уезд в 1927 г.⁵¹

Начали свою работу квакеры примерно 10 сентября, распределив 3 вагона с продуктами и одеждой. В первые недели в связи с «неприбытием давно ожидаемых грузов» квакерам пришлось ограничиться питанием 5000 детей⁵², но в декабре они кормили уже 35 тысяч, в марте – 185 тысяч, в июле – около 217 тысяч взрослых и детей⁵³. После урожая 1922 г., в отличие от АРА, квакеры сократили число питающихся не столь значительно: в январе помощь получали 150,5 тысячи человек, в марте-июне – около 216 тысяч⁵⁴.

Паек квакеров варьировался по составу и калорийности в зависимости от категории, к которой относился питающийся: дети до 4 лет, дети до 16 лет, пациенты детских больниц, больные взрослые, взрослые, занятые на общественных работах, и т.д., а также от этапа работы. Небольшие отличия могли быть и между пайками американских и британских квакеров. Так, примерный месячный детский паек американских ква-

коров зимой 1923 г. включал следующее: мука – 16 ф., крупа – 2 ф., сало – 32 зол., сахар – 1,5 ф., шоколад – 12 палочек, фасоль 2 ф., молоко – 7 банок, какао – 60 зол., соль – 0,5 ф. Калорийность пайка – 925 ккал/день. Также выдавалось мыло – 0,75 фунта. Больным детям выдавались продукты из расчета 1850 ккал в день, а взрослым – 2775 ккал. Британский паек за это же время был намного ниже⁵⁵.

Как и АРА, квакеры оказывали помощь работавшим в уезде медицинским учреждениям, а также выдавали нуждающимся одежду.

Существенным отличием деятельности миссии квакеров от работы других организаций стало то, что особый акцент они сделали на оказании производственной помощи, в частности, путем выделения значительного количества пайков на общественные работы по строительству и ремонту дорог, школ, детдомов, медицинских пунктов и т.д. Эта работа велась в тесном контакте с местными властями. Кроме того, квакеры создавали ремесленные мастерские для взрослых, а также ремесленные классы, где подростки осваивали профессии сапожника, плотника, укладчика кирпича, учились ремонтировать сельскохозяйственную технику. Были открыты вечерние школы грамоты для взрослых, которые пользовались у населения популярностью⁵⁶. Квакеры завезли в уезд несколько тракторов, кроме того, были закуплены лошади, которые передавались крестьянам бесплатно, при этом получившие их в пользование обязывались обработать землю неимущих соседей. К январю 1923 г. было распределено около 2 000 лошадей⁵⁷. После урожая 1923 г. и вплоть до завершения работы в 1927 г. производственная помощь являлась основным направлением деятельности квакеров в Бузулукском уезде.

6 декабря 1921 г. в Самару приехали члены миссии *Шведского Красного Креста*⁵⁸. Во главе миссии стоял Эрик Экстранд, шведский дипломат, работавший ранее консулом в Ревеле, Санкт-Петербурге, Чикаго. Среди участников экспедиции также были врач и фельдшер. Контора шведской миссии располагалась по адресу: ул. Предтеченская, 65 (сейчас Некрасовская). На содержание миссии выделило средства шведское правительство, значительный вклад в дело помощи голодающей России внес и принц Карл, возглавлявший Шведский Красный Крест, организовав массовую агитационную кампанию по сбору средств.

На первое время шведы выбрали 4 прилегающие к Самаре волости: Воскресенскую, Каменно-Бродскую, Вязово-Гайскую и Дубово-Уметскую. Работу в каждой волости возглавлял представитель шведской миссии, которому подчинялся не-

большой штат сотрудников⁵⁹. 28 декабря открылась первая столовая ШКК, а к концу января шведы кормили более 18 тысяч детей и взрослых⁶⁰.

Нужно отметить, что ШКК выбрал несколько иную стратегию, отличную от АРА: шведы взяли под опеку небольшую территорию, но обеспечивали ее полностью. В частности, они кормили почти все население, и взрослых, и детей, калорийность шведского пайка была выше, чем у АРА – 1250 ккал. Увидев, в каком состоянии находится в губернии гужевой транспорт, Экстранд затребовал у Стокгольма и получил фураж – и для того, чтобы крестьяне могли перевезти благотворительные грузы, и для того, чтобы помочь прокормить еще имевшийся в деревнях рабочий скот до весны и посевных работ. К весне из Швеции были получены семена – пшеница, овес, просо, которыми были засеяны поля 15 волостей Самарского уезда. Также в уезд шведы поставили несколько тракторов, сепараторы, травкосилки, посуду, топоры, кирки, лопаты, зубья для борон, утюги, домкраты, плуги, культиваторы, пилы, косы и прочие чрезвычайно дефицитные на тот момент товары⁶¹.

Для беспризорных детей ШКК открыл несколько приютов, которые снабжал продовольствием, одеждой, и даже организовал занятия по обучению грамоте. Кроме того, в волостных центрах были открыты и небольшие больницы, полностью содержавшиеся шведами. Жителям подшефных волостей, а также города Самары практически постоянно выдавались одежда, обувь, белье, простыни, одеяла. 250 пайков от шведской миссии некоторое время получали студенты Самарского университета⁶².

В январе 1922 г. квакерша Рут Фрай вместе с представителями миссии Нансена посетила шведскую столовую в селе Воскресенском. По ее словам, все было организовано просто образцово – и пекарня, и столовая, и маленькая противотифозная больница. Само село, получающее шведскую помощь, она сравнила с раем, граничащим с адом – в котором влачат ужасное существование те, кто не получает никакой помощи⁶³.

Весной Шведский Красный Крест принял на себя дополнительное задание по распределению грузов других заграничных организаций, входивших в Нансеновскую группу, при этом шведы действовали по привычной для себя схеме: взять небольшую территорию и предоставить помощь в максимально возможном объеме максимальному числу жителей. Заметим, что грузы стали поступать еще в феврале, но из-за проблем с транспортом развертывание пунктов задержалось на несколько недель⁶⁴. Полученное от Голландского Красного Креста продовольствие было отправлено на юг Пуга-

чевского уезда, питание получили свыше 10 000 человек. Продукты Чехословацкого Красного Креста были отправлены в наиболее голодающие волости Самарского уезда – Красноярскую, Бобровскую, Алексеевскую, где были открыты питпункты на 15000 человек, проработавшие до сентября 1922 г.⁶⁵. Помимо этого ШКК брал на себя разовые распределения в губернии грузов, поступающих от Красных Крестов некоторых европейских стран.

Как и у других организаций, число получающих помощь Шведского Красного Креста постоянно менялось: в марте Шведский, Голландский и Чехословацкий Красные Кресты кормили 75 тысяч жителей губернии, в июле – 139 тысяч, в январе-апреле 1923 г. шведские пайки получали около 21 тысячи человек, Голландский Красный Крест с сентября 1922 по июнь 1923 г. кормил более 10 тысяч взрослых и детей⁶⁶.

В меньшем объеме по сравнению с АРА, квакерами и ШКК оказывали помощь Самарской губернии несколько других организаций.

Осенью 1921 – весной 1922 г. **Всеукраинский Комитет армии и флота** (ВУК) кормил в Ставропольском и Мелекесском уездах губернии около 20 000 человек. Стандартный ежедневный детский паек ВУК был следующим: печеный хлеб – 0,5 фунта, крупа – 12 золотников, рыба или мясо – 12 золотников, мука подболточная (добавлялась в бульон) – 4 золотника, сахар – 2 золотника, соль – 3 золотника, жиры – 2 золотника. Размер пайка по просьбе местных властей ВУК менял с целью увеличения числа питающихся⁶⁷.

Межрабпом (Международный рабочий комитет помощи Советской России) содержал в Самаре до 17 детских домов, а также выдавал пайки самарским рабочим (от 1 до 10 тысяч). Датский писатель Мартин Андерсен-Нексе, в частности, на свои личные средства содержал в течение 2 лет детдом №1 на Троицкой, 21 (сейчас – Галактионовская), в котором жили до 65 детей-сирот.

Харбинский общественный комитет помощи голодающим (ХОКПГ) содержал детдом в Самаре, а также оказывал продовольственную и производственную помощь Бузулукскому уезду – до 20 000 человек получали питание, на средства комитета были организованы общественные работы по ремонту школ и больниц уезда, построена плотина через реку Самарку, содержались все фельдшерские пункты уезда и 1 больница. 100 учащихся средних учебных заведений и 10 студентов Самарского университета получали от ХОКПГ стипендию. Паек харбинцев был одним из самых высоких – примерно 1988 ккал⁶⁸.

Европейская помощь студентам (входила в Нансеновскую группу) оказывала продовольственную помощь нескольким сотням студентов города Самары⁶⁹.

Таким образом, можно констатировать, что катастрофическая нехватка средств у советского государства была в определенной мере компенсирована ресурсами иностранных организаций, которые в значительной степени взяли на себя оказание продовольственной и медицинской помощи, оказывали поддержку детским домам и приютам, организовывали общественные работы, предоставляли производственную помощь. Деятельность иностранных благотворительных организаций в Самарской губернии стала одним из главных факторов ликвидации голода, при этом сочетание продовольственной, медицинской, вещевой и производственной помощи позволяло с разных сторон, комплексно бороться не только с самим голодом, но и его социальными, демографическими и экономическими последствиями.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-11-63003а/В

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. об этом: *Поляков В.А.* Голод в Поволжье, 1919-1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007. Гл.2; *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. Ч. 1. Автономная область 1918-1924. Саратов, 1992. С. 114; *Шмидт В.* Голод в Казахстане в 1921-1924 годах. Причины и последствия // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: 6-я Международная научно-практ. конференция (г.Усть-Каменогорск, 27-28 ноября 2004 г.): Сб. научн. трудов. Ч.2. Усть-Каменогорск, 2005. С.207-209.
- ² Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. Р-1058. Оп.1. Д.238. Л.48об.; *Данилов В.П.* Динамика населения СССР за 1917-1929 гг. (Опыт археографического и историкодемографического отбора данных для реконструкции демографического процесса) // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С.246.
- ³ *Поляков В.А.* Голод в Поволжье, 1919-1925 гг. С.299. Автор ссылается на метеорологические наблюдения в Нижегородской губернии, которая в целом официально голодающей признана не была.
- ⁴ На фронте голода. Издание Самарской губернской комиссии помощи голодающим. Самара, 1922. С.40-41.
- ⁵ На фронте голода. С.40, 66.
- ⁶ *Пантин В.И.* Второй социально-экологический кризис в России: причины и последствия // Общественные науки и современность. 2001. №2. С.117.
- ⁷ На фронте голода. С.19.
- ⁸ *Баскин Г.И.* Сборник избранных трудов. Самара, 1925. Вып.2. С.42-43.
- ⁹ *Стрельцов И.Т.* В центре голода 1921-1922 г. (Пугачевский уезд). Москва-Самара, 1931. С.10-11.
- ¹⁰ Книга о голоде. Экономический, бытовой, литературно-художественный сборник. Самара, 1922. С.18-19; *Котов Г.* Население, культура и народное хозяйство Самарской губернии при вхождении ее в Средне-Вол-

- жскую область // Бюллетень Статистического отдела Самгубисполкома. 1928. №9. С.6.
- ¹¹ На фронте голода. С.20.
- ¹² Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С.627.
- ¹³ На фронте голода. С.20, 32, 80, 94, 95, 97, 99, 100, 101, 103.
- ¹⁴ Коммуна. 1921. 6 декабря; Известия Самарского губернского союза потребительских обществ. 1922. №1. С.27-28.
- ¹⁵ На фронте голода. С.22. Сусак – растение, встречающееся по берегам водоемов среди другого болотного высокотравья. Корневища сусака богаты крахмалом и в печеном виде могут использоваться в пищу.
- ¹⁶ Книга о голоде. С.40-41.
- ¹⁷ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-79. Оп.1. Д.10. Л.26-27.
- ¹⁸ Коммуна. 1922. 19 февраля.
- ¹⁹ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп.1. Д.167. Л.320. Безусловно, эти цифры не являются полными и окончательными.
- ²⁰ Лосицкий Л. Состояние питания и хозяйства голодного района (по обследованию летом 1922 года) // Экономическое обозрение. 1923. Вып.1. С.76.
- ²¹ Котов Г. Население, культура и народное хозяйство... С.1.
- ²² Берг Л. Питание сельского населения // Бюллетень Статистического отдела Самарского губисполкома. 1928. №6. С.5.
- ²³ Декреты Советской власти. Т.12. С.210.
- ²⁴ Тюрников. К итогам семенной кампании 1922 г. // Известия Самарского губернского экономического совещания. 1922. №1. С.22.
- ²⁵ После голода. 1923. №2. С.209.
- ²⁶ Ужасы голода в Самарской губернии. (Новогодний номер «Известий Самарского губсоюза»). Самара, 1922. С.26; Что говорят цифры о голоде? Памятка агитатора. Вып.2. М., 1922. С.14.
- ²⁷ Голод и дети на Украине. Харьков, 1922. С.15-19; Петроградская правда. 1921. 23 августа.
- ²⁸ На фронте голода. С.36.
- ²⁹ Книга о голоде. С.133.
- ³⁰ Edmondson Ch. M. The Politics of Hunger: The Soviet Response to the Famine // Soviet Studies. 1977. Vol.29. №4. P.511.
- ³¹ Patenaude B.M. The Big Show in Bololand: the American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford, 2002. P.42-43.
- ³² См. о миссии Нансена подробнее: Vogt K.E. Fridtjof Nansen. Peace, 1922 // Norwegian Nobel Prize Laureates. From Bjornson to Kydland. Iniversitetsforlaget, 2006. P.119-153.
- ³³ См. о работе АРА в Самарской губернии подробнее: Аншакова Ю.Ю. Продовольственная помощь АРА Самарской губернии во время голода 1921-1922 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы истории и археологии». Самара, 2006. С.63-70.
- ³⁴ Shafroth W. The Fact-Story of the Russian Famine. *New York Evening World* // Hoover Institution Archive (далее – НИА). ARA Russia. Box 81. Folder 8 (далее – 81:8).
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Известия Самарского губернского союза потребительских обществ. 1921. №18. С.22.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп.1. Д.324. Л.4.
- ³⁸ Там же. Д.426. Л.63.
- ³⁹ Fry R. Three Visits to Russia. London, 1960. P.9-10.
- ⁴⁰ Ibid. P.11-12. ГА РФ. Р-1058. Оп.1. Д.428. Л.13об.
- ⁴¹ Коммуна. 1922. 25 февраля.
- ⁴² Samara District History // НИА. ARA Russia. 106:1.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп.7. Д.26. Л.130.
- ⁴⁴ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп.1. Д.167. Л.302об.-304; Д.2. Л.130, 264, 326.
- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп.1. Д.55. Л.220.
- ⁴⁶ Там же. Ф. Р-1064. Оп.7. Д.20. Л.99.
- ⁴⁷ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп.1. Д.167. Л.304об.-307.
- ⁴⁸ Там же. Д.2. Л.377.
- ⁴⁹ Там же. Д.167. Л.225-228.
- ⁵⁰ Там же. Д.2. Л.108, 266, 275, 322, 345, 368, 394, 418.
- ⁵¹ См. подробнее о работе квакеров: Макфадден Д., Горфинкел К. Советская Россия 20-х гг. глазами Друзей. Самара, 2010.
- ⁵² ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп.7. Д.26. Л.94-95.
- ⁵³ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп.1. Д.8. Л.48, 359.
- ⁵⁴ Там же. Д.167. Л.307об.-311.
- ⁵⁵ Там же. Д.8. Л.423.
- ⁵⁶ Макфадден Д., Горфинкел К. Советская Россия 20-х гг. глазами Друзей. С. 108, 109, 113, 118, 119, 121, 124.
- ⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 7. Д. 20. Л. 99.
- ⁵⁸ Бюллетень ЦК Помгол ВЦИК. 1922. №5-6-7. С. 15.
- ⁵⁹ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д.8. Л.48.
- ⁶⁰ Там же. Д.10. Л.11, 37.
- ⁶¹ Итоги борьбы с голодом в 1921-1922 гг.: сборник статей и отчетов. М., 1922. С.357-358.
- ⁶² ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп.1. Д.10. Л.50, 59, 66, 88 и др.
- ⁶³ Fry R. Three Visits to Russia. P.13-14.
- ⁶⁴ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп.1. Д.2. Л.42.
- ⁶⁵ Там же. Д.8. Л.49.
- ⁶⁶ Там же. Д.167. Л.306-313.
- ⁶⁷ На фронте голода. С.54, 59.
- ⁶⁸ Итоги Последгол. М., 1923. С.64.
- ⁶⁹ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп.1. Д.167. Л.120, 123.

**«I SHALL NEVER FORGET THE SIGHTS I SAW IN SAMARA»:
THE FAMINE OF 1921-1923 AND RELIEF AID TO THE STARVING IN SAMARA REGION**

© 2012 Yu.Yu. Anshakova

Volga Region Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

The paper deals with origins and size the famine of 1921-1923 reached in Samara region and relief measures undertaken by central and local authorities. Special attention is given to relief aid provided to the region by several international humanitarian organizations.

Key words: Samara region, famine of 1921-1923, drought, grain requisition campaign, American Relief Administration, ARA, Fridtjof Nansen, Nansen Mission, Swedish Red Cross, Society of Friends, Quakers, international relief aid.

Yulia Anshakova, Candidate of History, Senior Fellow.
E-mail: pfiri@ssc.smr.ru